

Содержание

Пролог	3
Часть I	8
Часть II	126
Часть III	298
Эпилог	412

Пролог

*Пришло время пения птиц,
и голос горлицы слышен в нашей земле*.*

— Я, Солон Барнс, перед Богом и людьми беру в жены Бенишию Уоллин и клянусь с Божьей помощью быть ей любящим и верным мужем, пока смерть не разлучит нас.

— Я, Бенишия Уоллин, перед Богом и людьми беру в мужа Солона Барнса и клянусь с Божьей помощью быть ему любящей и верной женой, пока смерть не разлучит нас.

Торжественные эти слова прозвучали в подчеркнуто лаконичном интерьере молельного дома Общества друзей, сиречь квакеров, что находился в городке под названием Дакла, штат Пенсильвания. Присутствовало около сотни свидетелей — родных и близких жениха и невесты. Была середина недели, солнечное июньское утро; кончался девятнадцатый век.

Всякий, кто знаком с историей и традициями квакерства, сразу заметил бы: времена — другие, исчезла былая прочность связей между членами этой высокодуховной организации, обычаи утратили власть, убе-

* Библия. Песнь песней. — *Здесь и далее примеч. пер.*

ждения ослабли, и нет уж больше в поведении осиянных Внутренним Светом характерного для них скромного достоинства. Внутренний Свет не что иное, как Животворящий Дух, точнее, постоянное ощущение квакером присутствия в себе такового, что и означает истинный союз Господа Бога с человеческими существами, чадами его.

Даром что некоторое количество мужчин и женщин явились на торжество в традиционном квакерском платье и вели себя чинно, множество остальных гостей были в одежде куда более современной, хотя и все еще далекой от того, чтобы называться модной.

Мужчины старшего поколения по-прежнему чисто брили подбородки и в большинстве своем придерживались в костюмах простоты, усвоенной от отцов: сюртук с воротником-стойкой и без карманов, широкополая черная шляпа. Женщины — их ровесницы — были в квакерских чепцах без какой-либо отделки и в строгих черных тальмах либо шалях. Платье их представляло собой широкую серую юбку длиной до щиколотки и серый же лиф, оживляемый только беленькой косынкой. Башмаки были тупоносые, на плоской подошве; серые ленточки чепцов из-за своей узости походили скорее на бечевки. Словом, шик в одежде, как понимаем его мы, отсутствовал, зато не наблюдалось и грубого, неумелого подражательства ему.

Однако представители молодого поколения, причем обоих полов, уже весьма далеко зашли в уступках великому духу перемен и моды. Дух этот проникнул квакерскую среду и вынудил многих почти совсем позабыть о внешних проявлениях красоты, вдохновляемой изнутри.

Впрочем, и эти современные квакеры, не обращающая внимания на скептицизм нашего в высшей степени материального мира, продолжали, алкая помощи и наставлений, взывать к Богу, который жил в них в виде Внутреннего Света: «Пусть Он покарал меня — верую!» Тем не менее в отдельных умах росло и стремление к житейским благам, к высокому положению в обществе — удивительным образом оно не вступало в противоречие с духовным идеалом, что был если не их конечной целью, так целью их отцов. Помимо прочего, это стремление уже привело многих к выводам о традиционной одежде: она, мол, только создает помехи, а к квакерскому учению отношения не имеет. Не зря ведь и в трудах Джорджа Фокса, основателя квакерской веры, ни слова не найдешь о некоей униформе, обязательной для членов Общества друзей. Напротив, Джордж Фокс упирал на максимальную простоту платья. Однако вышло так, что этот сугубо практический вопрос немало способствовал ослаблению Общества, и вот уже целые правительства и народы, некогда взявшие квакерство себе за ориентир в нашем далеком от совершенства мире, разочаровались в идеях этого учения. Ибо что есть жизнь, как не зыбкое равновесие, и к чему столь истово стремились на первых порах квакеры, как не к тому, чтобы придать ему устойчивости? Вот что писал Джордж Фокс:

«Ныне Господь в Своей неизреченной мощи явил мне, что каждый человек осиян Животворящим Светом Христа, и вот я вижу сей Свет во всех людях. И все, которые уверовали и пришли к Свету жизни,

спасутся и сделаются чадами Света; те же, которые отвергли Свет и возненавидели Его, те обречены, хотя и мнят себя христианами».

Впрочем, идеал, прочувствованный Джорджем Фоксом, столкнулся с рутинной материального мира, где правят страсти и лишения, заботы и неравенство. С самого начала узколобые и малодушные во тще силились постичь идеал, мечтателям же и поэтам от квакерства он сам дался в руки. Эпоха Джорджа Фокса напоминает эпоху странствий святого Франциска. Многие тогда желали приобщиться к великому идеалу — но явился искуситель. Под полуденным зноем и бременем насущных забот многие свернули на тропинки не столь тернистые. Для таких людей метод и внешние атрибуты вышли на первый план, а дух несоразмерно умалился.

Потому и в непритязательном молельном доме — коричневый снаружи, беленый изнутри, он стоял на лужайке, где июньскую травку пронизывали солнечные лучи, — ощущалась девальвация великого идеала. Какой-нибудь достойный муж, посидев с подобающей чинностью на скамье, вставал, прочувствованно говорил о «свете, что направляет к совершенству», после чего возвращался к своей обычной жизни: ехал на собственную корабельную верфь, или в лавку, где был хозяином, или в банк, в правлении которого числился, или в аналогичное учреждение. Словом, на каком бы поприще ни подвизался тот или иной квакер, от упований Фокса в его образе жизни сохранялись только внешние проявления, да и те — по минимуму.

Такой квакер почти не отличался от обычных людей. Только в кругу семьи да в стенах молельно-

го дома, то есть среди своих, использовал он традиционное обращение на «ты» ко всем и каждому. Что касается обычая не снимать шляпы ни перед кем, включая представителей земной власти (каким нападкам подвергались за это квакеры!), о нем давно уже не было и помину.

Зато танцы, пение, музыка, театр, наряды, книги и картины развлекательного или фривольного содержания, а также всякое накопительство, деньги и активы сверх необходимого, в глаза осуждались всеми Друзьями, однако исключения уже появились и в этой сфере. Многие квакеры, преуспевшие в коммерции, держали дома и книги, и гравюры, и произведения искусства; у них даже звучала музыка. Впрочем, и они, по крайней мере мысленно, оставались просты в обращении и чужды роскошеством.

Итак, собрание в молельном доме в то июньское утро отличалось неоднородностью. Меж двух полюсов, один из которых представляли собой состоятельные и состоявшиеся родственники невесты, а другой — не столь преуспевшие члены семьи и друзья жениха, наблюдались многочисленные вариации восприятия и воплощения в жизнь квакерских идей; в такой-то среде и провел юность Солон Барнс.

ЧАСТЬ I

Глава 1

Родителей Солона Барнса, Руфуса и Ханну Барнс, отнюдь нельзя было назвать богачами. За несколько лет до того, как родился Солон, и в пору раннего детства Руфус Барнс представлял собой нечто среднее между мелким фермером и торговцем. Семья жила в штате Мэн. Барнсовская ферма лежала на самой окраине городка под названием Сегукит; она давала недурные урожаи как сена, так и овса, не говоря об овощах и фруктах, и довольно скоро Руфус Барнс приобрел лавку со складом — пусть ветхую, зато почти в самом центре Сегукита. Члены местной квакерской общины ценили в Руфусе не только религиозность, но и личные качества; возможно, еще и поэтому торговля у него пошла на лад, и доходов хватило, чтобы отправить Солона, первенца и единственного сына, и Синтию, единственную дочь, в маленькую школу при общине — дети посещали ее, пока мальчику не исполнилось десять лет, а девочке — восемь. Тут-то и встал вопрос об их дальнейшем образовании.

Приблизительно в это время умер дядя Солона, Энтони Кимбер. Он был женат на Ханниной сестре, но вместе с женой и двумя дочерьми перебрался из окрестностей Сегукита в Трентон, штат Нью-Джерси, где у него был свой бизнес — производство фаянсовой посуды. Теперь Феба Кимбер обратилась

к зятю: пусть приедет, поможет распорядиться долей, что причитается ей от трентонской гончарной мастерской. Вдове достались также дом и закладные на несколько ферм, что лежали между Трентоном и Филадельфией; к слову, регион этот развивался весьма быстрыми темпами.

Руфус всегда симпатизировал свояченице и ее мужу. Вдобавок на его решение повлияла горячая привязанность двух сестер — миссис Кимбер и миссис Барнс: кажется, никогда между ними не бывало ни обид, ни разногласий. И Руфус взвалил на себя этот труд, даром что поездка в Трентон предполагала для него лично как проблемы, так и расходы. Пришлось, к примеру, нанять себе в заместители одного из сегукитских Друзей. Впрочем, собственно хлопот оказалось меньше ожидаемого, а пользы — куда больше. Доля покойного свояка, благодаря его деловой сметке, достигала трети всех доходов, что равнялось сорока пяти тысячам долларов. Кроме того, прибыль позволила Кимберу вложиться в другое предприятие — выдачу ссуд фермерам, чьи участки находились между Трентоном и Филадельфией; с учетом быстрого роста населения дело сулило изрядную выгоду. Платежи по одной из таких закладных как раз были просрочены, и Кимбер уже начал переоформление участка, притом весьма обширного, на свое имя — да вот умер. И теперь Руфус, искренне заботясь об интересах свояченицы и племянниц и зная, насколько Феба Кимбер беспомощна во всем, что касается бизнеса, взялся завершить процесс. Если сдать землю в аренду или продать ее, прикидывал Руфус, да еще присовокупить к вырученным деньгам доходы от остальных предприятий покойного Ким-

бера, Феба и ее девочки смогут остаться в своем трен-тонском особняке, и жизнь их будет, как и раньше, безбедной.

Оказалось, что судьба назначила этой услуге повлиять на жизнь и интересы самого Руфуса и его детей в неменьшей, если не в большей, степени, чем она повлияла на жизнь его свояченицы и племянниц. Феба Кимбер, понимая, что в плане деловой хватки Руфусу не сравнится с ее покойным мужем, ни в коем случае не хотела ослаблять семейные связи, а, наоборот, стремилась к их укреплению. Ее любовь к сестре диктовалась не одним кровным родством и религиозными убеждениями, и то же самое можно было сказать об отношении Фебы к зятю: не только религия внушала ей сестринское почтение к Руфусу, но и личные его качества.

Ибо все знавшие Руфуса Барнса считали его честным и доброжелательным человеком. Свой скромный достаток он нажил благодаря упорным трудам и чистоплотности в деловых операциях. Хотя ему хватало забот с собственной лавкой и фермой, Феба давно уже — во время визитов, которые Барнсы и Кимберы регулярно наносили друг другу, и по столь же регулярным письмам — сделала вывод, что Руфус находит время на исполнение религиозных обязанностей, отвечает услугой на услугу как соседям, так и Друзьям, и в целом миролюбив и покладист, за что и уважаем всеми без исключения. Недаром в свои сорок лет он уже старейшина сегукитской общины, и в День первый (так Друзья называют воскресенье) усаживается либо в первом, либо во втором ряду, на возвышении, лицом к остальным; эти места в молельном доме предназначены для духовных на-

ставников и старейшин обоего пола. А в доме Руфуса Барнса, как и во многих других домах по всей округе, не гаснет пламень веры.

Так, дети Барнсов, Солон и Синтия, не притронулись к еде без молитвы. И это не все — ни разу еще в этом доме день не начался без того, чтобы миссис Барнс не прочла вслух для мужа и детей главу из Библии, причем по окончании чтения семья еще некоторое время пребывает в молчании. Минуты эти исподволь определяли будущие убеждения и взгляды детей, хотя в силу возраста оба только и могли, что ждать чуда. В любом случае Солон и Синтия до капли впитали тогдашнюю атмосферу — как социальную, так и религиозную. До конца своих дней ни тот ни другая не сомневались в истинности Божественного Животворящего Духа, что присутствует в каждом человеке — того Духа, силой которого всё живет и изменяется; того, который зовется Путеводным Внутренним Светом или Божественным Присутствием, к которому человеки обращаются при сомнениях и потрясениях, в смятении чувств — и неизменно обретают помощь и утешение.

Итак, Феба Кимбер нашла в Руфусе Барнсе преданность и бескорыстие; зять дал ей ряд ценных советов по управлению имуществом и заверил: не беда, если Феба сразу всего не запомнила, он готов по мере надобности консультировать ее и даже приезжать к ней из штата Мэн, даром что для него это проблематично — придется бросать собственные дела.

На этом слове Феба сказала ему:

— А если, Руфус, тебе продать лавку и ферму в Се-гуките и перебраться сюда насовсем? Сам видишь, каково мне одной, с двумя дочерьми на руках. Эн-

тони был истинной опорой — наставлял и девочек, и меня; да ведь тебе это известно. Вот я и подумала: если бы вы с Ханной жили здесь, в Трентоне, а не в Сегуките, я бы нашла опору и помощь в вас обоих — и, глядишь, сама пригодилась бы вам. Ты уже убедился, средств у меня хватит на всех нас, особенно если ты станешь ими управлять. Понимаю: у тебя в Сегуките ферма и свое дело. Но ты только представь: здесь, помимо этого дома, есть еще и усадьба недалеко от Даклы — та, которую Энтони хотел оформить на себя. Решайся, Руфус: будете с Ханной хозяйничать в усадьбе, а то живите здесь, со мной и девочками. Я просто подумала, усадьба — это ведь капитал, он ни вам с Ханной, ни детям лишним не будет, особенно Солону; растут дети-то, что ваши, что мои. Сам оцени, какова обстановка в Трентоне: хоть школы здешние возьми, да и филладельфийские тоже. Я уж не говорю о молельных домах — Ханна бы здесь развернулась, это ей не Сегукит. И вот еще что: после Энтони я вряд ли вновь пойду замуж; стало быть, заботы обо мне и девочках не слишком тебя обременят, да еще и окупятся. Только скажи, что мне предпринять, как устроить дела наилучшим образом для тебя, Ханны и ваших детей; ты ведь знаешь, сколь вы все мне дороги.

Феба почти осеклась под сосредоточенным, изучающим взглядом зятя. Руфус молчал, взвешивая за и против. Миссис Кимбер, думалось ему, еще молода и миловидна, даже привлекательна; что сулит ему предложение свояченицы? Определенно не одни только выгоды. Конечно, Феба и Ханна очень любят друг дружку, но еще вопрос, как две семьи уживутся под одной крышей. И как к подобной перспективе